

МЫ — СЧАСТЛИВЫЕ!

СНАЧАЛА несколько эпизодов моего недавнего выходного дня. День был морозный, солнечный. Может быть, от этого и настроение было хорошее. Захожу в магазин «Ткани», говорю хорошенькой, модно одетой продавщице: «Что можете посоветовать мне купить?». Небрежный взмах ручкой в сторону: «Посмотрите там». Смотрела, смотрела, наконец кое-как выбрала. Прочту выписать. Равнодушный ответ: «Этот материал уже кончился, спросите у другой продавщицы». Гоняли меня от прилавка к прилавку, так и ушла я из магазина, ничего не купив и оставив там хорошее настроение.

Горько и обидно, что этим девушкам-продавщицам не хватает даже элементарной вежливости — они не научились уважать покупателя. Из магазина поехала в троллейбусе. На одной из остановок в салон вошел молодой человек. Ему было, видимо, скучно молчать, и он начал громко рассказывать соседу о выступлениях поэтов в книжном магазине (как раз проходил День поэзии). Весь троллейбус принял живейшее участие в разговоре. Юношу спрашивали: кто выступал, какие стихи читали, интересные ли поэтические сборники продавались? Самые разные люди — рабочие, студенты, домашние хозяйки с искренней заинтересованностью рассуждали о стихах. Ко мне вернулось хорошее настроение. Хотелось верить, что, возможно, в другом троллейбусе сейчас едет та самая «некультурная» девушка и увлеченно говорит о стихах Ахмадуллиной или постановках театра «Современник».

Конечно, еще не все люди поняли, что культура не может быть односторонней. Что в культуре нет мелочей и вежливость не менее важна, чем знание Баха. Но все-таки как поразительно расширился кругозор советского человека, как высоки стали его духовные запросы!

МЫ ГОВОРИЛИ о поэзии, ставшей так необходимой людям. Мне как актрисе, которая прочла с эстрады немало литературных произведений, это особенно близко. Сейчас иногда можно услышать: всеобщий интерес к поэзии — проходящий, то же самое было в двадцатые годы... Верно ли это? В начале двадцатых годов я работала в театре «Летучая мышь», где бывали все известные поэты тех лет. Число читате-

лей их стихов измерялось сотнями. Сейчас поэзию знают и любят миллионы. В наши дни эта громадная аудитория обеспечивает постоянный, пристальный интерес к поэзии.

В последнем сборнике «День поэзии» мне запомнились строчки молодого поэта:

...мы приблизим то время,
когда
каждый —
слушайте! —
будет поэтом,
да, поэтом!

Во всем и всегда!
Поколенья красивых и гордых —
все на свете таким по плечу.
А иначе грядущие годы
представлять я себе не хочу.

Очень правильно: ведь интерес к поэзии — показатель возросшей культуры всего советского народа.

Становление советской культуры, ее вторжение в жизнь проходило на глазах у моего поколения. Помню, как в залах театров появился новый зритель. Иные его ждали с волнением, иные с недоверием. Рабочих, крестьян уже не могли удовлетворить милые сердцам нонманов салонные мелодрамы. Они ждали спектак-

Т. С. ОГАНЕЗОВА,
народная артистка РСФСР,
депутат Моссовета

лей о своем труде, о своей жизни. И мы думали, волновались, как принести на сцену атмосферу завода или села. А некоторые, признаться, заранее прощались с Толстым, Чеховым, Шекспиром.

...Прошли годы. Артисты и их творчество как никогда близки зрителю, а пьесы Шекспира и Чехова живут на нашей сцене новой и даже более содержательной жизнью.

НА СЕССИЯХ Московского Совета рядом со мной сидят слесари, машинисты, строители. Я не перестаю радоваться их широкому кругозору, тому, что при каждой новой встрече вижу, что они знают уже больше, чем раньше. Кто-нибудь может сказать: «Так то ж депутаты». Но депутатский мандат не приносит знаний, а, наоборот, требует их. Люди становятся избранныками народа не только за большой труд, но и за большую внутреннюю культуру, интеллектуальное богатство.

Иногда и сейчас еще некоторые родители наставляют детей: «Учись

на инженера, артиста, доктора — будешь культурным человеком». Они не понимают, что давно уже культура не определяется профессией и общественным положением. Напротив, я уверена, что представители интеллектуального труда все время с трепетом проверяют себя: «А не отстал ли я от нашей жизни, имею ли право делиться с людьми своей духовной культурой?». Так стремителен ритм нашей жизни, что человек, успокоившийся, почивший на лаврах, запрятавший свои знания в «сейф», неминуемо отстает.

С работников искусства спрос особый. Если наше творчество непонятно народу, не помогает ему в жизни, значит, оно неполноценно. Значит, надо задуматься: «А правильно ли я понимаю свой общественный долг?». На встрече руководителей партии и правительства с творческой интеллигенцией много говорилось о так называемых «абстракционистах». Это течение не ново, оно было известно в России еще до революции. Может быть, за полвека оно успело «развиться», появились в нем свои «новаторы» и «консерваторы»? Не знаю — про-

себя сверхкультурными людьми, опередившими в умственном развитии «серую» массу. Но какая же это культура, если произведения подобных «творцов» непонятны народу, строящему культурнейшее в истории общество — коммунизм.

Иностранцы, приезжая в нашу страну, подчас удивляются: даже в метро читают книги, между собой дружат театральные и заводские коллективы, а в Комитете по Ленинским премиям рядом заседают популярнейший режиссер и слесарь-наладчик. Сначала удивляются, а потом со вздохом говорят нам: «Счастливые!».

ДА, МЫ СЧАСТЛИВЫЕ, что живем и трудимся в стране, где культура стала общенародным достоянием, где с каждым днем все больше уходит из жизни грубость, невежество, неуважение друг к другу. Может быть, когда я в следующий раз приду в тот магазин «Ткани», хорошенькая продавщица приветливо улыбнется мне: «Пожалуйста, что вам угодно!». А потом мы поговорим с ней о стихах и театре.